

Не сам иду — выбирает меня судьба.

Анатолий Пепеляев

Такова трагическая природа мира —
вместе с героем рождается его противник.

Эрнст Юнгер

РАССТАВАНИЕ

1

В августе 1996 года я сидел в здании Военной прокуратуры СибВО в Новосибирске, на Воинской, 5, читал девятитомное следственное дело белого генерала Анатолия Николаевича Пепеляева. За год до моего приезда оно было передано туда из ФСБ по заявлению его старшего сына, Всеволода Анатольевича, просившего о реабилитации отца*. Такие заявления поступали тогда тысячами, у работников прокуратуры просто руки не доходили рассматривать их в установленные сроки. Выдавать следственные дела посторонним не полагалось, но в те годы служебные инструкции легко нарушались не только ради корысти.

* Где находится это дело, сообщил мне мой старинный друг, историк, создатель мемориального музея «Пермь-36» Виктор Шмыров, и он же оплатил мне билеты в Новосибирск. В то время на такую поездку денег у меня не было. Благодарю также Т. И. Быстрых из Перми, С. С. Виленского, В. Л. Пепеляева и Р. С. Агаркова из Москвы, Ю. Н. Пепеляева из Черногорска в Хакасии, В. Дзевалтовского и И. Матвеевко из Лудзы в Латвии и всех, чьей бескорыстной помощью я пользовался.

Начальство в лице двух полковников надо мной сжалилось, узнав, что только ради этого я и прилетел из Москвы.

Я сидел в проходной комнате, а за фанерной переборкой рядом с моим столом находился кабинет одного из следователей, не слишком молодого для своего звания капитана. Иногда к нему приходили посетители, и я хорошо слышал их разговоры. Однажды он беседовал с женой арестованного командира танкового полка. Сквозь оклеенную веселенькими обоями фанеру доносился его наигранно бесстрастный голос: «Итак, это было в тот год, когда вся страна стонала под игом Рыжего...». Имелся в виду Анатолий Чубайс, в 1995 году назначенный вице-премьером. В то время полковник списал и толкнул на сторону два танковых тягача. Следователь с мстительной методичностью излагал его жене обстоятельства сделки. Она плакала. На полях моей рабочей тетради их разговор, ее всхлипывания и металлический тон его речи отмечены как фон, на котором я переписывал в тетрадь одно из писем Пепеляева жене, Нине Ивановне: «Уже, кажется, десятое письмо пишу тебе со времени отъезда из Владивостока. Не так давно мы расстались — это было 28 августа — а сколько новых впечатлений, переживаний, сколько передумано тут, пережито тяжелого, но все утешаю себя, что дело наше правое, верю, что Господь сделал так, чтобы мы пошли сюда, что Он проведет и не бросит нас»^{*}.

Они простились 28 августа 1922 года во Владивостоке. Месяцем раньше Пепеляев прибыл сюда из Харбина, чтобы сформировать отряд добровольцев и отправиться с ним в Якутию — поддержать полыхавшее там антибольшевистское восстание. Поначалу, чтобы засекретить арену предстоящих воен-

^{*} Источники указаны в разделе «Библиография» в конце книги.

ных действий, отряд назвали Милицией Татарского пролива, потом переименовали в Милицию Северного края, но в конце концов он стал Сибирской добровольческой дружиной. К исходу лета Пепеляев готов был отплыть с ней в порт Аян на Охотском побережье, а оттуда двинуться на запад, к Якутску.

Ему недавно исполнился тридцать один год, Нина Ивановна на год моложе. Они женаты десять лет. На фотографии, сделанной незадолго до венчания, Нина сидит с бумажным венком в пышных темных волосах, в польском или украинском платье с вышивкой, с лежащими на груди нитками длинных цыганских бус — вероятно, снялась после участия в каком-нибудь любительском спектакле или в костюме, который могла бы носить бабка по отцу. Через десять лет фотограф запечатлел ее в профиль над кроватью с голеньким младенцем. Видно, что она высокого роста, сколотые на затылке волнистые волосы стали еще пышнее, как бывает после родов, но заметны и тяжелый подбородок, и длинный нос. Такой Нина Ивановна осталась в памяти мужа.

Все сохранившиеся в деле письма Пепеляева к жене написаны им в Якутии. Ни одно из них до нее не дошло. Судя по тому, что он перед ней постоянно оправдывался, ссылаясь то на пославшую его в этот поход высшую волю, то на долг перед народом, Нина Ивановна без восторга отнеслась к перспективе остаться на неопределенный срок одной с двумя маленькими детьми на руках и едва ли приняла это со смирением. Пепеляев уверял ее, что разлука продлится не больше года, но на год жизни смог оставить семье лишь скромную сумму в тысячу рублей. Это, надо думать, не прибавляло Нине Ивановне оптимизма. К тому же она видала кое-кого из тех, кто подбил ее мужа плыть в Якутию, и не могла не думать, что добро это не кончится.

Леонид Юзефович. Зимняя дорога

Пепеляев чувствовал себя виноватым перед женой и накануне отъезда хотел подарками поднять её настроение. На первых страничках вложенного в следственное дело блокнота, который скоро станет его дневником, а пока что служил для деловых заметок и учета денежных трат, под рубрикой «Собственные деньги», отчасти объясняющей, почему при огромных возможностях он всегда был беден, записано в столбик:

Нине сумочка — 10 р.

Надпись (видимо, на сумочке, памятная. — Л. Ю.) — 10 р.

Цепочка — 10 р.

Браслет — 15 р.

Здесь же перечислены другие расходы: на зубного врача (в ближайшие месяцы поставить пломбу ему будет негде), на продукты для матери (пуд сахара, десять фунтов масла, фунт кофе и пр.), на оплату квартиры, на дрова (за колку отдельно), наконец, на фотографа — 17 рублей. Немалая сумма говорит о том, что сделано было несколько снимков. Фотография самого Пепеляева предназначалась, должно быть, Нине Ивановне, а фото жены и сыновей он хотел взять с собой в Якутию. Старшему, Всеволоду, было без малого девять лет, Лавру — четыре месяца. Мальчику возле кроватки и младенцу в кроватке, над которым склонилась пышноволосяя женщина, на вид примерно столько и есть, значит, это дубликат одного из тех самых снимков, но в следственном деле я их не нашел. Возможно, они не были отобраны и оставались у Пепеляева в тюрьме до и после судебного процесса 1924 года. Порядки в тогдашних советских домзаках и политизоляторах были еще довольно мягкими.

Незадолго до отплытия Нина Ивановна с Севой и Лавриком из Харбина приехала во Владивосток проститься с мужем. По

сибирским масштабам дорога считалась недалёней, семь-восемь часов на поезде. Погода стояла теплая, вода в море ещё не остыла. В старости Всеволод Анатольевич вспомнит, как они всей семьёй ходили купаться, отец плыл, а он сидел на плечах у отца.

28 августа или Нина Ивановна проводила мужа на пароход, или Пепеляев посадил её с детьми на поезд до Харбина и расстался с ними на платформе. На следующий день минный транспорт «Защитник» и канонерская лодка «Батарейя» с Сибирской дружиной на борту вышли из владивостокской гавани и взяли курс на север.

2

Вместе с Пепеляевым из Владивостока в Аян отплыл полковник Эдуард Кронье де Поль, военный инженер, варшавянин, ветрами Гражданской войны занесённый в Приморье. Он взял с собой новенькую записную книжку, которую через год у него изымут. Я нашел её в том же следственном деле Пепеляева, объединённом с делами судимых вместе с ним офицеров.

Во время недельного плавания Кронье де Поль карандашом сделал в ней длинную запись: «Идея смерти должна быть наиболее совершенной и ясной из наших идей как самая упорная и неизбежная среди них, на деле же она остаётся наиболее неразвитой. Когда приходит смерть, мы хватаемся за две-три мысли о ней, ничего иного у нас нет. Всю жизнь мы отворачивались от неё, и эти две-три мысли, на которые мы думали опереться, ломаются как тростник под тяжестью последних минут.

Мы не можем понять эту силу, потому что не смотрим ей в лицо, и бежим от неё, потому что не понимаем и боимся. Смотри смело смерти в глаза и старайся понять её, тогда она не по-

Леонид Юзефович. Зимняя дорога

кажется ужасной. Если Бог дал нам разум, Он не может требовать, чтобы мы не верили разуму, а брали все на веру. Мы, люди, не имеем силы большей, чем разум. Чувства и инстинкты — ничто перед ним...»

В преддверии боев и походов интеллигенту естественно было размышлять о смерти, но Кронье де Поль готовился к встрече с ней, как к столкновению с превосходящими силами неизвестного противника — хотел свести угрозу к нескольким вариантам, выбрать самый вероятный и принять необходимые меры. На победу рассчитывать не приходилось, но в этом случае можно было хотя бы погибнуть с честью.

«Смерть, — пишет он, — если судить о ней на основании разума, может принять четыре вида:

- I полное уничтожение;
- II продолжение жизни с нашим теперешним сознанием;
- III продолжение жизни без всякого сознания;
- IV продолжение жизни с новым сознанием, каким мы теперь не обладаем.

Рассмотрим их по отдельности.

Полное уничтожение невозможно, ибо мы — часть бесконечности, в которой ничто не погибает.

Теперешнее наше сознание сосредоточено вокруг нашего «я», а это возможно лишь при наличии тела, значит, после его исчезновения теперешнее наше сознание невозможно.

Самое простое предположение о смерти — бессмертие без сознания, однако и это невозможно, ибо если тело исчезнет, то и мысль, отделенная от своего источника, угаснет и растворится в безграничном мраке.

Остается последнее — продолжение жизни с новым сознанием. Это предполагает, что наше новое «я» зародится и разо-

вьется в бесконечности. Мы не можем быть чуждыми вселенной, как сами не допускаем в себе чуждых нам частей. Наше мучительное непонимание смерти должно было возникнуть во вселенной раньше нас, и после нашей смерти оно вновь растворится в ее бесконечности»*.

Я читал эти изысканные софизмы в полной уверенности, что они принадлежат владельцу книжки, но под последним из них обнаружилось указание на источник: «Метерлинк, т. V». Том из его собрания сочинений Кронье де Поль захватил с собой в Якутию, как кто-то брал учебник английского или руководство по перегонке древесины в скипидар и спирт.

После цитат из Метерлинка записей нет, лишь в самом конце пять-шесть листочков испещрены мастерскими карандашными рисунками лошадей и птиц. Между ними вложена фотография толстогубой девушки с глазами навывкате. На обороте надпись: «На память дорогому мужу. Пусть не забывает свою жену, которой дал имя Мимка».

3

16 сентября 1922 года, через десять дней после того, как Сибирская дружина Пепеляева высадилась в Аяне, на Иерусалимском кладбище в Иркутске с воинскими почестями опустили в могилу тело Нестора Каландаришвили — легендарного анархиста, воевавшего с белыми под черно-красным знаменем «матери порядка», но незадолго до смерти подавшего заявление о приеме в РКП (б). Чернобородый красавец с ниспадающими на плечи волосами, храбрец и оратор, что вместе встречается нечасто, он был актером в Кутаиси, боевиком в Батуми,

* Архив УФСБ РФ по Новосибирской области, д. 13069, т. 9, л. 1–2.

Леонид Юзефович. Зимняя дорога

командовал таежными партизанскими полками, пытался помешать Унгерну уйти в Монголию, создал Корейскую революционную армию и погиб за полгода до похорон, под Якутском. Шесть месяцев посмертного непокоя оставили на нем свой след. С весны тело держали на леднике, а на пароходе, везшем его вверх по Лене, имелась холодильная камера, и все-таки на лицо покойного лучше было не смотреть.

Пароход с замороженным телом приплыл с севера, а девятью месяцами раньше Каландаришвили, назначенный командующим всеми вооруженными силами Якутии, с Северным отрядом в триста бойцов по тракту вдоль той же Лены, тогда скованной льдом, из Иркутска выступил в обратном направлении — ему поручено было покончить с восстанием, которое теперь собирался поддержать Пепеляев.

Перед походом Каландаришвили говорил, что его цель — не «истребление несчастной горсточки белогвардейских офицеров», ставших военспецами у повстанцев, а помощь подпавшим под железную пяту военного коммунизма якутам и тунгусам. По его словам, «борьба наций еще в давние времена загнала их на Крайний Север из великой Чингисхании», сотни лет эти «бедные племена» страдали под гнетом суровой природы и царских чиновников, а ныне «революция докатилась до них в уродливых формах». В роли проконсула мятежной провинции Каландаришвили хотел не столько ее усмирить, сколько умиротворить, но 6 марта 1922 года, не доехав до Якутска тридцать верст, нарвался на засаду и погиб.

Из всей его группы уцелел только тяжело раненный и принятый нападавшими за мертвого начштаба Бухвалов, но и он скоро умер, ничего толком не успев рассказать. Ход событий восстановили по следам на снегу и положению трупов. Этим

занялся командир головного эскадрона Иван Строд. В тот день он с авангардом отряда находился уже в Якутске, о случившемся узнал по телефону и на место гибели товарищей поспел лишь к вечеру.

«Мороз гулками шагами делает свой ночной обход, трещит лед на Лене, — вспоминал Строд открывшуюся перед ним картину. — Черными, неподвижными, окоченевшими точками разбросаны по снегу те, кого здесь настигла смерть».

Отряд считался конным, исчислялся не в штыках, а в саблях и делился на эскадроны, но верховых лошадей должны были получить на месте. Двигались в санях и крытых кошевых. Каландаришвили со штабом, демонстрируя миролюбие и желая вызвать у якутов доверие к себе, ехал не таясь, без походных застав и разведки, и повстанцы об этом знали. Нападение произошло на льду Техтюрской протоки Лены. Узкая дорога вилась между островами, по сторонам ее поднимались обрывистые берега, поросшие тальником. Сидевшие в засаде якуты стреляли с такого близкого расстояния, что пыжи из ружей долетали до цели вместе со свинцом, их потом находили на телах убитых. Передние лошади были расстреляны в упор, задние налетали на них, пугались, заскакивали на соседние сани, ломая их и давя седоков. Повернуть назад было невозможно, люди спрыгивали на дорогу, пытались отстреливаться. Каландаришвили, раненный в бок, с маузером в руке побежал навстречу показавшимся наверху якутам, но пули перебили ему обе ноги, он упал. Когда Строд нашел любимого командира, его окостеневшая правая рука была поднесена к виску, где смерзлась кровь из четвертой, смертельной раны. Осталось неизвестным, убили его или он все-таки успел застрелиться из маузера, который потом забрали повстанцы.